

ЯЗЫКИ НАРОДОВ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН (С УКАЗАНИЕМ КОНКРЕТНОГО ЯЗЫКА ИЛИ ГРУППЫ ЯЗЫКОВ) / LANGUAGES OF PEOPLES OF FOREIGN COUNTRIES (INDICATING A SPECIFIC LANGUAGE OR GROUP OF LANGUAGES)

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2023.39.18>

ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПЕРЕВОДИМОСТИ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С ЛОЖНОЙ ЭКВИВАЛЕНТНОСТЬЮ

Научная статья

Лебедев А.В.^{1,*}

¹ ORCID : 0000-0002-1927-5595;

¹ Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева, Саранск, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (toshaleb[at]mail.ru)

Аннотация

В статье рассматриваются вопросы и проблематика переводимости англоязычных лексических единиц с ложной эквивалентностью, приводится их классификация и типологизация на основании источника или причин их возникновения. Актуальность исследования обусловлена постоянным расширением межкультурной коммуникации, деловых контактов, появлением инновационных технологий, которые диктуют новые переводческие задачи и бросают вызов даже профессиональным переводчикам. Стереотипизация, несоответствие культурных реалий, идиоматической образности, семантических полей, коннотаций приводят к появлению ложной ассоциативности, неточностей или даже грубых ошибок, негативно влияющих на точность при передаче текста на язык перевода. В рамках исследования предлагаются конкретные переводческие стратегии для преодоления ложной эквивалентности.

Ключевые слова: лексические единицы, ложная эквивалентность, переводимость, ложные друзья переводчика, ассоциативность, стереотипизация.

THE PRAGMATIC ASPECT OF TRANSLATABILITY OF ENGLISH LEXICAL UNITS WITH FALSE EQUIVALENCE

Research article

Lebedev A.V.^{1,*}

¹ ORCID : 0000-0002-1927-5595;

¹ N.P. Ogarev Mordovia State University, Saransk, Russian Federation

* Corresponding author (toshaleb[at]mail.ru)

Abstract

The article examines the issues and problems of translatability of the English lexical units with false equivalence, their classification and typology based on the source or the causes of their occurrence are presented. The relevance of the research is due to the constant expansion of cross-cultural communication, business contacts, the emergence of innovative technologies that dictate new translation tasks and challenge even professional translators. Stereotyping, inconsistency of cultural realities, idiomatic imagery, semantic fields, connotations lead to false associativity, inaccuracies or even gross errors, negatively affecting the accuracy of the transfer of the text into the target language. The study proposes specific translation strategies for overcoming false equivalence.

Keywords: lexical units, false equivalence, translatability, translator's false friends, associativity, stereotyping.

Введение

Прагматическая лингвистика получает все большее развитие в переводческой практике: межкультурное взаимодействие, деловые контакты, разнообразие текстового пространства и большое количество изучающих и применяющих иностранные языки как на профессиональном, так и на бытовом уровне приводят, с одной стороны, к многочисленным заимствованиям, неологизмам и так называемым «переводческим находкам», а с другой – к усложнению перевода, а также к появлению разнообразных трудностей. На первый план выходят прагматическая обусловленность (соответствие требованиям той или иной аудитории перевода или запросам его заказчика), общая адекватность (тождественность по содержанию и стилю), эквивалентность.

Вопросы перевода псевдо- (ложно-) эквивалентной лексики, по своей сути, неисчерпаемы, потому что речь идет о непрерывном развитии несхожих между собой культур, постоянном технологическом прогрессе в условиях меняющихся общественных, политических и культурных реалий. Данное исследование носит актуальный характер, поскольку оно содержит описание, классификацию и категоризации подобной лексики в контексте высшего образования и подготовки будущих переводчиков; также предложены конкретные переводческие стратегии для минимизации переводческих ошибок.

Методы и принципы исследования

Основной используемый метод исследования – дескриптивный (описательный) метод анализа языковых единиц, семантический и словообразовательный анализ, компаративный (сравнительный) анализ при переводе с английского языка на русский (и в обратном направлении). Материалом исследования послужили художественные,

публицистические и научные тексты, данные из исследований на переводческую тематику, примеры заданий и лексических единиц, собранных и апробированных в рамках преподавания автором курса «Практический курс профессионально-ориентированного перевода», а также на основании личной переводческой практики автора статьи.

Вопросы псевдо- (квази-, ложной) эквивалентности, «буквализмов», «межъязыковой омонимии» находятся в центре внимания многих исследователей-лингвистов, преподавателей, практикующих переводчиков. Так, С.В. Власенко исследует языковое (ментальное) сознание переводчика как межъязыкового посредника, которое работает «в режиме постоянных нагрузок именно в отношении освоения семантических полей» [6, С. 107]; Л.П. Лобковская анализирует квазиэквивалентную (квазиинтернациональную) лексику в контексте диалога культур, «глобализации английского языка и изменений в социально-культурной парадигме» [9, С. 125]; Ю.К. Волошин и Л.И. Сидорова приводят многочисленные факты и систематизируют множественные примеры «семантического динамизма в парах коррелирующих по форме слов английского и русского» [7, С. 29] Е.С. Александрова и Н.А. Сытина утверждают, что в рамках их исследования «выявлены случаи использования переводческих трансформаций, их доля от общего числа – 18%. К ним относятся такие приёмы, как опущение (8%), грамматическая замена (3%), конкретизация (3%), генерализация (2%), добавление (1%) и модуляция (1%)» [1, С. 3542].

Особую сложность представляет обучение приемам перевода лексики с ложной эквивалентностью. Например, Т.А. Фуфурина утверждает, что «при обучении переводу с английского языка на русский, в первую очередь, необходимо учитывать специальность студента, т.е. ту область научных знаний, которую он изучает или интересуется» [14, С. 67]; Т.Ю. Назаренко исследует вопросы перевода в рамках обучения студентов неязыковых ВУЗов [11]; Н.Е. Боброва рассматривает характеристики методологии интегрированного обучения языку и предмету (CLIL) как одного из инновационных подходов в системе языковой подготовки в высшем образовании [2].

Вопросы перевода безэквивалентной и ложно-эквивалентной лексики связаны с ее репрезентацией в разных видах дискурса. К примеру, Л.В. Цыбина отмечает, что в спортивном дискурсе «выбор языковых средств обусловлен различными экстралингвистическими факторами, такими как гендерная принадлежность, эмоциональное состояние, обстановка общения и т.д.» [15, С. 379]; Н.Г. Комиссарова исследует проблемы языковых единиц и приемов, связанных с оценочностью в дискурсе СМИ [8].

Исследователи признают, что в современном научном пространстве отсутствует единая и общепринятая классификация и типологизация переводческих стратегий и языковых элементов, относящихся к лексике с ложной эквивалентностью.

Основные результаты

Разнообразие переводческих стратегий и теоретических концепций перевода можно свести к трем моделям:

1) перевод как глубокий анализ и передача текста (более текстовый, формально-эквивалентный подход, при котором перевод сводится к анализу текста и его максимально близкому к оригиналу воссозданию на языке перевода);

2) перевод как передача смысла (смыслов) и дискурса – максимальное воссоздание семантической, стилистической и коннотационной составляющих текста (единиц) оригинала, подчас в ущерб его грамматическим и синтаксическим элементам;

3) перевод как «транс-культурация» или «контекстуализация» (динамический эквивалент) – передача культурного фона и воссоздание его в тексте перевода, вплоть до «встроенного» в перевод комментария, парафраза или даже культурной адаптации. Данный прием получил обоснование и распространение, в частности, в теоретических трудах и переводах Ю. Найды [12], Я. Ваарда [14], Ч. Крафта, [16], А. Тайтлера [13].

Очевидно, что опытный и профессиональный переводчик будет адекватно и уместно использовать в той или иной мере все три подхода. Соответственно, возникает проблема эквивалентности, особенно относительно так называемого «псевдоинтернационального» языка – лексических единиц, обладающих внешне схожей формой (или вызывающих ложные ассоциации) в языках оригинала и перевода. В профессиональной и студенческой среде такие единицы принято называть «ложными друзьями переводчика» (франц. *Faux amis*). Термин впервые введен в 1928 году французскими лексикографами М. Кеслер и Ж. Дерокиньи, хотя не все исследователи применяют подобную устоявшуюся формулировку. Так, М.И. Виолина отмечает такие наименования, используемые разными учеными: «межъязыковые омонимы», «ложные ассоциации», «ложные аналоги», «лжеаналоги», «междуязычные (межъязыковые) аналогизмы», «диалексемы», «ложные эквиваленты», «псевдоинтернационализмы / псевдоинтернациональные слова», «квазиэквиваленты / квазиинтернациональные слова», «ложные лексические параллели» [5, С. 85]. Проблематику определения и идентификации данного явления рассматривают также Л.П. Лобковская [10] и В.Г. Будыкина [3]. Исследователи отмечают, что ни одно из наименований в полной мере не отражает всей полноты и многообразия данного феномена.

В современной литературе и Интернет-источниках можно найти множество примеров неадекватных, абсурдных и даже комичных переводов, основанных на ошибках, неточностях в передаче значений слов, непонимании переводчиком культурных реалий, незнании профессиональной лексики и так далее. Представляется возможным выделить несколько причин появления подобных переводческих коллизий.

Во-первых, перевод может быть подвержен **стереотипизации** – формированию у переводчика устойчивых (и часто ошибочных) ассоциаций, основанных на внешнем сходстве лексических единиц. Так, в качестве примера недопустимости перевода профессиональных терминов по привычным (самым распространенным) значениям часто приводят фразу *naked conductor runs under the car*, где ложной эквивалентностью при переводе обладает фактически каждое слово (*naked* – не «голый», а «оголенный» о проводе; *conductor* – не «кондуктор», а «проводник электрического тока», *runs* – не «бегает», а «проходит», «пролегал»; *car* – не только «автомобиль», «машина», но «вагон»). В предложении *Caucasian male is wanted* слово *Caucasian* обозначает вовсе не кавказца, а представителя индоевропейской расы, то есть белого мужчину; *wanted* – речь идет не о желании, а о розыске. Словосочетание *liberal arts* связано вовсе не с некими «свободными искусствами», а с гуманитарными науками; в то время как *liberal views* могут относиться

вовсе не только к либеральным взглядам, но к широкому кругозору или даже демократичному подходу (например, к воспитанию детей). Привычное для нас журналистское слово *sensation* изначально применяется скорее в значении «ощущение» или «чувство», а *show* – очень широкий термин, который имеет отношение не только к представлению, но и к любой телепередаче или даже телесериалу.

Вторая причина – **генерализация или наоборот, конкретизация значений** лексических единиц. Вошедшее в результате культурно-языковых реформ и введения новых технологических решений большое количество новых языковых единиц постепенно начинает применяться и развиваться в новой языковой среде уже по новым законам. При этом в языке оригинала происходит свое развитие или даже радикальное изменение значений лексических единиц, что подчас приводит к значительным расхождениям. К примеру, слово *interest* долгое время относилось вовсе не к интересу, но к пользе или прибыли (*interest rate* – процентная ставка). *Advocate* в современном английском употребляется скорее в значении «активист», «сторонник», «приверженец», «защитник» («ходатай» или «заступник» в литературно-художественном смысле). В предложении *Motorists gather in caravans to travel* слова претерпели историческое изменение «мотористы» превратились в «автовладельцев», «караваны» – в «автоколонны» или даже «дома на колесах», а слово *travel* может и вовсе переводиться как «поездка» или просто «переезд», а вовсе не только «путешествие».

Третья причина относится к общей **широте семантических свойств** многих англоязычных лексических единиц. Перед переводчиком подчас стоит непростая задача – выбрать из всего многообразия значений максимально эквивалентное соответствие. Разумеется, здесь учитывается и контекст, и жанровое своеобразие текста, и его профессиональная сфера. Скажем, *nut* – это и «орех» в общеупотребительном языке (*General English*), и «гайка» в техническом английском (*English for Construction / Engineering*), и «безумец», «сумасшедший» в разговорном языке (*Colloquial English*). Простое для восприятия слово *taxi* в авиационной сфере приобретает значение «руление» (*taxiway* – рулежная дорожка). Лексическая единица *execution* в программировании («исполнение», «выполнение»), в юридической терминологии приобретает значение «казнь», «высшая мера наказания» (*executive government* – исполнительная власть); понятие *intelligence* связано не только с умом, но и с разведкой в политологии. В связи с этим интересно явление конверсии – перехода в другую часть речи (соответственно с изменением значения, подчас радикальным). К примеру, слово *take* при переходе к глагольной форме приобретает значение «попытка», «дубль» и даже «точка зрения», «взгляд». Слово *time* в глагольном словосочетании *two-time* приобретает значение «изменять», «быть неверным».

Четвертый источник так называемых «ложных друзей переводчика» – **различные стилистические и культурные коннотации** в языках (а следовательно, и в культурных реалиях) оригинала и перевода. Подчас несоответствие относится не только к денотативному значению слова, но и к его восприятию или стилю. Так, слово *aggressive* вовсе необязательно относится к насилию или агрессивности, но может переводиться как «напористый», «настойчивый», «активный» (в нейтральном или даже позитивном ключе) или быть частью фразы *aggressive skating* («фигурное катание»). *Pathetic* чаще всего переводится не как «патетичный», но как «жалкий», «вычурный». Лексическая единица *extravagant* относится не столько к экстравагантности, сколько к расточительности, чрезмерным тратам, жизни не по средствам. В случае со словом *marginal* речь вовсе не только о маргинальности (в отрицательном смысле), но о чем-то крайне большом или значительном. В словосочетании *intimately involved* может говориться не о чем-то интимном или близких отношениях, а о тесном вовлечении в дела, сотрудничестве.

Пятая причина – **несхожесть идиоматической образности**, основанная на разнице в образах и ассоциациях между языками оригинала и перевода. Идиомы (фразеологические единицы, построенные на образности) могут иметь как общие корни – литературные, религиозные, научные, культурные – так и (чаще всего) значительно различаться по используемым аналогиям и аллюзиям. К примеру, слово *blue* может говорить о грусти или неожиданности / неопределенности (*out of the blue* – «как гром среди ясного неба»; *once in a blue* – «после дождичка в четверг», «когда рак на горе свистнет»), *yellow* – о трусости, *black* – о гневе. *Story of my life* относится вовсе к истории из жизни, а к типичным для человека действиям («прямо про меня», «похоже на меня»). Равным образом, *anecdote* – это как раз «история из жизни», а вовсе необязательно юмористический рассказ. «Не буди лихо, пока оно тихо» превращается в иную образность – *let sleeping dogs lie*; *white lies* – в «ложь во спасение», «ложь во благо»; *dog eat dog* – в «жестокый мир», где «человек человеку - волк». Каждая культура обладает своей уникальностью, что отражается и на несхожести лексических единиц, основанных на фразеологической образности.

Обсуждение

Несмотря на кажущуюся неисчерпаемость лексических единиц с ложной эквивалентностью, переводческая деятельность предполагает высокую лингвокультурную компетенцию переводчика, которая не сводится только к применению фоновых знаний, работе со словарями, построению грамматически правильных предложений или транслитерации-транскрибированию лексических единиц. Обширное пространство художественных, публицистических, технических и разговорно-бытовых текстов делает необходимым, прежде всего, работу с профессиональной и контекстно-культурной составляющими, погружение в мир англоязычной (и русскоязычной) культуры, а также в конкретные предметные области, с которыми непосредственно соприкасается переводчик.

Хорошим подспорьем при переводе лексических единиц с неоднозначной эквивалентностью может стать просмотровое чтение, когда значение той или иной лексической единицы выбирается за счет предварительного знакомства с текстом, его жанром, стилистической окраской. В частности, даже быстрое прочтение текста поможет переводчику понять, что в названии *Probes precede future crewed missions* речь идет не о «пробах» и не о «командных миссиях», а о «зондах» и «пилотируемых полетах»; в зависимости от содержания, в статье с названием *Biden administration success* может говориться как об администрации (кабинете министров) Джо Байдена, так и о его правлении, руководстве страной. Содержание заметки с названием *discrimination in eating* поможет понять ее смысл –

«разборчивость в еде» или «дискриминация по весу / неправильному питанию» (в данном случае автором намеренно допущена двусмысленность).

Заключение

Анализ и классификация языковых единиц, относящихся к псевдоинтернациональной лексике, показали, что расхождение и несоответствие между языками оригинала и перевода обусловлены стереотипизацией при переводе, несовпадающим развитием (генерализацией или конкретизацией) значений слов, общей широтой и обширностью семантических свойств английского и русского языков, различными стилистическими и культурными коннотациями, несхожестью идиоматической образности. Стоит отметить, что совокупность лингвистических и экстралингвистических факторов делает работу переводчика, с одной стороны, сложной и ответственной, с другой – творческой и увлекательной, в которой профессионал должен продемонстрировать все свои знания, навыки, а также нестандартный подход и лингвистическое чутье ради преодоления языковых и культурных барьеров.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование. Но рецензент или автор статьи предпочли не публиковать рецензию к этой статье в открытом доступе. Рецензия может быть предоставлена компетентным органам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are peer-reviewed. But the reviewer or the author of the article chose not to publish a review of this article in the public domain. The review can be provided to the competent authorities upon request.

Список литературы / References

1. Александрова Е.С. Диалексемы в зеркале перевода (на примере английского и русского языков) / Е.С. Александрова, Н.А. Сытина // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. — 2022. — № 11. — С. 3538-3543.
2. Боброва Н.Е. Особенности использования методики CLIL в рамках иноязычной подготовки студентов / Н.Е. Боброва // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. — №71. — 2017. — С. 164-166
3. Будыкина В.Г. Ложные лексические параллели как проблема лексикографии (на примере терминологии высшего образования) / В.Г. Будыкина // *Вестник Челябинского государственного университета*. — 31 (322). — 2013. — С. 78-80
4. Ваард Я. На новых языках заговорят / Я. Ваард, Ю. Найда — М.: РБО, 2005. — 272 с.
5. Виолина М.И. К вопросу об определении и систематизации "ложных" друзей переводчика / М. И. Виолина // *Наука и образование сегодня*. — № 6 (7) — 2016 — С. 85-87
6. Власенко С.В. Преодолимы ли засады межязыкового перекодирования? Долгая жизнь «Ложных друзей» переводчика: эмпирические наблюдения / С. В. Власенко // *Вопросы психолингвистики*. — № 13. — 2011. — С. 106-119
7. Волошин Ю.К. Глобализация английского и ее влияние на квазиэквиваленты (на материале русских и английских лексем) / Ю.К. Волошин, Л.И. Сидорова // *Перевод и сопоставительная лингвистика*. — №11. — 2015. — С. 29-32
8. Комиссарова Н.Г. Оценочность в дискурсе СМИ / Н.Г. Комиссарова, Д. Р. Якупова // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. — № 2-1 (80). — 2018. — С. 83-87
9. Лобковская Л.П. Квазиинтернациональная лексика в диалоге культур / Л. П. Лобковская // *Вестник ТГПУ*. — №10 (125). — 2012. — С. 125-131
10. Лобковская Л.П. О понятии межязыковой омонимии (к проблеме термина «Ложные друзья переводчика») / Л.П. Лобковская // *Вестник Челябинского государственного университета*. — № 20 (274). — 2012. — С. 79-87
11. Назаренко Т.Ю. «Ложные друзья переводчика» при мультилингвальном обучении в неязыковом вузе / Т. Ю. Назаренко // *Концепт* — № V1. — 2018. — С. 37-44
12. Найда Ю. Наука перевода / Ю. Найда // *Вопр. языкознания*. — 1970. — № 4. — С. 40-46
13. Тайтлер А.Ф. Принципы перевода / А.Ф. Тайтлер. — NY: Nelson, 1986. — 243 с.
14. Фуфурина Т. А. Лексические трудности перевода «Ложных друзей переводчика» с английского языка на русский / Т. А. Фуфурина // *Проблемы педагогики*. — № 10 (11). — 2015. — С. 66-72
15. Цыбина Л.В. Синтаксические средства речевого манипулирования в англоязычных спортивных статьях / Л.В. Цыбина, Г.В. Лещенко // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. — № 3-2 (81). — 2018. — С. 378-381
16. Kraft C. H. *Christianity in Culture* / С. Н. Kraft. — NY: Orbis, 1979.— 427 p.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Aleksandrova E.S. Dialeksemij v zerkale perevoda (na primere anglijskogo i ruskogo yazykov) [Dialexemes in the Mirror of Translation (on the example of English and Russian languages)] / E.S. Aleksandrova // *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Questions of Theory and Practice]. — 2022. — № 11. — P. 3538-3543 [in Russian]
2. Bobrova N.E. Osobennosti ispol'zovaniya metodiki CLIL v ramkah inoyazychnoj podgotovki studentov [Features of Using the CLIL Methodology in the Framework of Foreign Language Training of Students] / N.E. Bobrova // *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. [Philological Sciences. Questions of Theory and Practice]. — №71. — 2017. — P. 164-166 [in Russian]

3. Budykina V.G. Lozhnye leksicheskie paralleli kak problema leksikografii (na primere terminologii vysshego obrazovaniya) [False Lexical Parallels as a Problem of Lexicography (on the example of the terminology of higher education)] / V.G. Budykina // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. [Bulletin of the Chelyabinsk State University]. — 31 (322). — 2013. — P. 78-80 [in Russian]
4. Vaard YA. Na novykh yazykakh zagovoryat [New Languages Will Be Spoken] / YA. Vaard, YU. Najda — M.: RBO, 2005. — 272 p. [in Russian]
5. Violina M. I. K voprosu ob opredelenii i sistematizacii "lozhnyh" druzej perevodchika [On the Definition and Systematization of "False" Friends of the Translator] / M. I. Violina // Nauka i obrazovanie segodnya [Science and Education Today]. — № 6 (7). — 2016. — P. 85-87 [in Russian]
6. Vlasenko S.V. Preodolimy li zasady mezh'yazykovogo perekodirovaniya? Dolgaya zhizn' «Lozhnyh druzej» perevodchika: empiricheskie nablyudeniya [Can the Ambush of Cross-language Transcoding Be Overcome? Long Life of the "False Friends" of the Translator: Empirical Observations] / S.V. Vlasenko // Voprosy psiholingvistiki [Questions of Psycholinguistics]. — № 13. — 2011. — P. 106-119 [in Russian]
7. Voloshin YU.K. Globalizaciya anglijskogo i ee vliyanie na kvaziekvivalenty (na materiale russkih i anglijskih leksem) [Globalization of English and its Influence on Quasi-equivalents (based on Russian and English lexemes)] / YU.K. Voloshin, L.I. Sidorova // Perevod i sopostavitel'naya lingvistika [Translation and Comparative Linguistics]. — №11. — 2015. — P. 29-32 [in Russian]
8. Komissarova N. G. Ochenochnost' v diskurse SMI [Evaluation in the Media Discourse] / N. G. Komissarova, D. R. Yakupova // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki [Philological Sciences. Questions of Theory and Practice]. — №2-1 (80). — 2018. — P. 83-87 [in Russian]
9. Lobkovskaya L.P. Kvaziinternacional'naya leksika v dialoge kul'tur [Quasi-international Vocabulary in the Dialogue of Cultures] / L.P. Lobkovskaya // Vestnik TGPU [Bulletin of TSPU]. — №10 (125). — 2012. — P. 125-131 [in Russian]
10. Lobkovskaya L.P. O ponyatii mezh'yazykovoj omonimii (k probleme termina «Lozhnye druz'ya perevodchika») [On the Concept of Interlingual Homonymy (on the Problem of the Term "False Friends of a Translator")] / L.P. Lobkovskaya // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. [Bulletin of the Chelyabinsk State University]. — № 20 (274). — 2012. — P. 79-87 [in Russian]
11. Nazarenko T.YU. «Lozhnye druz'ya perevodchika» pri mul'tilingval'nom obuchenii v neyazykovom vuze ["False Friends of a Translator" in Multilingual Education in a Non-linguistic University] / T. YU. Nazarenko // Koncept [Concept]. — № V1 — 2018 — P. 37-44 [in Russian]
12. Najda YU. Nauka perevoda [Science of Translation] / YU. Najda // Vopr. yazykoznaniiya [Issues of Linguistics]. — 1970. — № 4. — P. 40-46 [in Russian]
13. Tytler A.F. Principy perevoda [Principles of Translation] / A. F. Tytler. — NY: Nelson, 1986. — 243 p. [in Russian]
14. Fufurina T.A. Leksicheskie trudnosti perevoda «Lozhnyh druzej perevodchika» s anglijskogo yazyka na russkij [Lexical Difficulties in Translating "False Friends of the Translator" from English into Russian] / T. A. Fufurina // Problemy pedagogiki [Problems of Pedagogy]. — № 10 (11). — 2015. — P. 66-72 [in Russian]
15. Cybina L.V. Sintaksicheskie sredstva rechevogo manipulirovaniya v angloyazychnykh sportivnykh stat'yah [Syntactic Means of Speech Manipulation in English Sports Articles] / L. V. Cybina, G. V. Leshchenko // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki [Philological Sciences. Questions of theory and practice]. — № 3-2 (81). — 2018. — P. 378-381 [in Russian]
16. Kraft C. H. Christianity in Culture / C. H. Kraft. — NY: Orbis, 1979.— 427 p.